

ДЖУЛИЯ БЬЯНКИ

ДЕМОНЫ
МИКЕЛАНДЖЕЛО

Джулия Бьянки
Демоны Микеланджело
Серия «Демоны гениев Ренессанса»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8609243
Джулия Бьянки. Демоны Микеланджело: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-75849-4

Аннотация

Даже великие гении, которых мы привыкли видеть на портретах и в учебниках почтенными старцами, когда-то были молоды. И молодость эта, как водится, была бурной – возрастом неистовых страстей, любовных похождений, опасных авантюр и смертельного риска. Не стал исключением и Микеланджело Буонаротти, с юных лет боровшийся не только против тьмы, варварства и хаоса, но и с собственными демонами.

1496 год. Во Флоренции свирепствуют чума и беспощадный серийный убийца-душитель. Ползут зловещие слухи, что это не просто маньяк, а исчадие ада – то ли призрак, то ли ожившая статуя жестокого языческого бога. Заподозренный в причастности к убийствам, обвиненный в «безбожии» и «разврате», Микеланджело вынужден на свой страх и риск расследовать это таинственное дело...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	45
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джулия Бьянки

Демоны Микеланджело

Бог создал Италию по замыслу Микеланджело.
М. Твен

Глава 1

Тучи сгущались над проклятым городом. Человек в монашеском одеянии указывал на отяжелевшее, предгрозовое небо и повторял, что город этот проклят и обречен на гибель. Все грехи, совершенные на улицах Флоренции за сотни лет, падут на головы горожан и обратят все кругом в прах. Чумной мор отнимет их жизни, как уже бывало многие годы назад. Но у добрых людей еще остается один-единственный, последний шанс на избавление.

Проповедник поправил капюшон и молитвенно сложил ладони:

– Покайтесь! Презрите роскошь и похоть, молитесь Господа о спасении...

Под одобрительные возгласы толпы он сделал шаг к высившейся посреди площади гряде поломанной мебели, смятых дорогих одежд, карнавальных масок, разорванных книг и картин, зажег факел и бросил в самую середину. Залились

тревожным звоном колокола, по толпе прошел гул, многие опустились на колени. Пламя набирало силу под звуки причитаний и молитв, столб дыма вытянулся к самому небу. Ветер перемешивал его с дымом другого костра, разложенного у городской стены, рядом с карантинным бараком. Прикрыв лица пропитанными уксусом тряпицами, служки из монастырского госпиталя сжигали завернутые в холщевые саваны тела. Все эти люди скончались от морового поветрия, грозившего опустошить город быстрее самой жестокой вражеской армии.

Ветер подхватывал жирные хлопья пепла и уносил прочь, но ему было не под силу добраться за реку, туда, где располагались виллы состоятельных флорентийцев. Синьор ди Буонарроти, подающий надежды скульптор, распахнул створки окна, высунулся наружу. Воздух в пригороде оставался прозрачным и чистым, каким бывает только перед грозой.

– Вам хорошо видны костры, Микеле? – спросил его хозяин виллы – молодой синьор по имени Филиппе Джованни ди Франческо. В силу давнего знакомства он имел привилегию не называть своего гостя полным именем – Микеланджело. – Многие верят, что все грехи исчезают в очистительном пламени, особенно если сжечь нечто дорогостоящее. Даже артисты ходят слушать проповеди этого неистового святого отца, Савонаролы. Говорят, синьор Боттичелли настолько впечатлился, уверовал и бросил в огонь три полотна собственной кисти.

– Невелика потеря, – буркнул гость. Он невысоко ценил работы коллег, мало интересовался происходящим в городе, а окно открыл только за тем, чтобы разглядеть запущенный сад и особняк по соседству.

– Полагаете? Матушка считает, работы Алессандро недурны, и хочет заказать ему алтарь для нашей фамильной часовни. – Семейство де Розелли, из которого происходил Филиппе, было почти таким же старинным как развалины римских укреплений и почти таким же состоятельным, как лучшие банкирские дома Флоренции. Молодой человек был последним отпрыском этого почтенного рода, в силу возраста он давно перестал нуждаться в опекунах, однако вдовья родительница сохраняла большее влияние на сына.

– Филиппе, поверьте, друг мой, ваша матушка заблуждается, как и многие другие. Я открою вам главный секрет этого заблуждения. Любая живопись – пустая трата сил и средств, у красок слишком много врагов. Всякого пустяка достаточно, чтобы испортить картину: искра из камина, копоть от светильников, летняя жара, грызуны, солнечный свет, и, разумеется, сырость... – для пущей убедительности он выставил руку за окно, поймал в ладонь крупную дождевую каплю. Вода оказалась по-осеннему холодной, пришлось торопливо стряхнуть каплю на мозаичный пол. – Что угодно способно исказить цвета до неузнаваемости, заставить лак растрескаться, а грунт осыпаться, неважно написана картина на холсте или на доске. Только камень способен сохра-

нить совершенство в веках! Древние понимали это лучше нас: имена античных гениев сохранились только потому, что были высечены ими на скульптурах. – Он оборвал фразу и снова повернулся к окну. – Я слышал, ваш сосед – человек большой учености и собрал недурную коллекцию древних редкостей. Вам приходилось ее осматривать, Филиппе?

– Осматривать? Нет, – молодой человек откинул золотые локоны и покачал головой, добавил для убедительности. – Я даже самого мессира¹ Бальтасара видел всего пару раз. Многие считают его...э... как это правильно назвать по-латыни? – в поисках подходящего слова Филиппе провел холеной ладонью по тесненным корешкам фолиантов, выставленных рядами на специальных полках. – В общем, сосед человек макамбрического склада.

Незнакомое слово заставило поморщиться экономку – синьора Симона Косма, дама желчного нрава и невообразимой худобы, из-за которой ей приходилось постоянно перешивать платья, подаренные хозяйкой. Впрочем, спина синьоры Косма всегда оставалась прямой, а подбородок надменно выпяченным вперед, она вполне могла сойти за синьору из общества, но дурная привычка шмыгать носом и деревенский выговор с головой выдавали бывшую кухонную прислугу. Опасаясь града, синьора Косма скомандовала супругу –

---

¹ Мессир – форма обращения к образованному или знатному человеку, предшествующая его родовому имени либо наименованию его должности, использовалась в Италии и Франции.

здешнему управляющему – запереть все ставни и теперь проверяла, как выполняется его указание. Безо всяких церемоний – совершенно как мешавший стул или пюпитр для книг – она отодвинула гостя от окна, ткнула пальцем в хлопавшие на ветру оконные сворки, дождалась пока служанка запрет их как следует и выйдет, а потом объявила:

– Он колдун.

– Кто? – не уразумел синьор Буонарроти.

– Говорю, мессир Бальтасар, наш сосед, спознался с дьяволом. – Синьора Косма устало перекрестилась. – Все в округе знают! Говорят, он третьего дня поехал в чумной лазарет. Небось собирает ногти и волосы с мертвяков, а потом будет продавать как отраву. Поняли, какое дело?

– Значит, его нет дома?

– Известно, что нет.

– Точно?

– Говорю, нету – значит, нету. Только святые могут быть в двух местах одновременно, разве наш сосед из таковых? Сегодня они даже за провизией не посылали. Я специально заглянула, как увидала, что их садовая калитка открыта. Возок стоит на месте, а лошади все заперты в конюшню...

Синьор Буонарроти не дослушал женщину, развернулся и направился к выходу, скороговоркой объяснил своему гостеприимному хозяину:

– Знаете, Филиппе, я решил немного размяться. Прогуляюсь по окрестностям, предгрозовое затишье очень вдохнов-

ляет.

– Симона, прикажи подать плащ синьору Буонарроти и мне тоже!

– Вам-то зачем?

– Пройдусь вместе с нашим гостем. Вы не против, правда, Микеле?

– Вот выдумали, – экономка передернула тощими плечами. – Сейчас такой град посыплется, не приведи Господь наш Иисус! Застудитесь на радость всей родне или того хуже – вас громом убьет, только представьте, как ваша матушка будет горевать.

Губы Филиппе капризно изогнулись, а светлые брови взметнулись вверх, как арки Старого моста. Он искренне полагал, что выглядит суровым, и повторил:

– Прикажи позвать мою прислугу. Пусть подаст мне плащ! Сейчас! Немедленно!

* * *

Доподлинно неизвестно, когда мессир Бальтасар начал собирать древности, но с той забытой поры слухи и домыслы облепили его коллекцию как саван покойника. О ней рассказывали поистине удивительные вещи: были в ней невесомый фарфор из Серединного Царства; животворный рог единорога; человеческий череп, прозрачный, как стекло; корень мандрагоры, способный питать тоненьким челове-

ским голоском; драконий коготь; статуэтки из слоновой кости, изображавшие всяческие непристойности; гигантский слиток зеленого золота, полученный колдовским путем. Но воображение Микеланджело тревожили вовсе не эти диковинки: при наличии денег подобное легко раздобыть у торговцев. Его не прельщало даже тайное знание из списков с трудов арабских врачей и гримуаров, переплетенных человеческой кожей: книжное знание мертво. Он жаждал увидеть сокровища, которые мессир Бальтасар обрел благодаря знанию античных трактатов и моде, охватившей образованных людей по всей Италии, – устраивать раскопы на месте древних руин.

Изваяния! Они таились в земле со времен греческих полисов, они тешили взоры римских цесарей, и теперь они возвратились из подземного плена. За одно прикосновение к их древнему, холодному мрамору Микеланджело готов был отдать любое сокровище, – но в его распоряжении была всего лишь скромная сумма. Он поежился под плащом и запустил руку в кожаный кошель, пересчитал серебряные монеты – оставалось только надеяться, что мессир Бальтасар держит в подручных не адских тварей, а людей достаточно добродетельных и готовых удовольствоваться такой скромной лептой за осмотр коллекции в отсутствии хозяина. Из трубы над пристройкой особняка тянулась жидкая струйка дыма, должно быть, прислуга сгрудилась у очага, дожидается мисок с горячей похлебкой. Нетерпение подгоняло синьора

скульптора, он резко свернул и зашагал напрямик через сад. Больше не замечал ни пронзительного ветра, ни дождевых капель, ни высокой мокрой травы, которую сминали его подошвы, ни скользкой грязи, и быстро обогнал своих спутников – синьора де Розелли, шагавшего в компании двух доверенных слуг. Только когда за спиной раздался короткий всхлип, он остановился, оглянулся и обнаружил, что юный синьор оскользнулся и свалился в глубокую яму. Слуги, закричав, призывали в помощники добрую дюжину святых, попытались вытащить своего господина, хватая за одежду, но действовали так неловко, что тот снова шлепнулся в мутную жижу.

Микеланджело едва сдержал ругательства, готовые сорваться с уст, – среди множества жертв, которые он принес на алтарь искусства, дружба Филиппе де Розелли была, считай, самой обременительной. Однако же он продолжал лелеять росток добрых отношений, ибо во всей Тоскане сложно было найти юношу, способного соперничать с Филиппе совершенством черт лица или гармоничным сложением. Если бы существовал колдовской способ обратить эти чудесные лицо и тело в мрамор, он снабдил бы скульптуру крыльями, установил у палаццо Веккьо, высек на постаменте «Явление Архангела Гавриила» и с чистым сердцем удалился на покой. Приобрел бы сельскую мызу с выпасом для овец, потому что за все отпущенные Господом годы ему не создать ничего прекрасней.

Но здесь и сейчас Филиппе сохранял тело из плоти и крови, которое продолжало барахтаться в жидкой грязи.

– Осторожнее, Филиппе! – ему было прекрасно известно, какая хрупкая субстанция тело, Микеланджело невольно прикоснулся к собственной переносице, непоправимо изуродованной в случайной драке. – Берегите нос и череп!

– Что?

– Не покалечьтесь!

Скульптор без раздумий прыгнул в яму, которая оказалась неожиданно глубокой, и подтолкнул молодого человека наверх, затем быстро выбрался сам и как раз успел подхватить под руку насквозь промокшего синьора де Розелли. Молодой человек стащил с ноги туфлю, выплеснул из нее воду, принялся с силой колотить ею ближайшего слугу:

– Что за олухи! Безмозглые твари!

Слуги потупились и попятился назад:

– Мы что, синьор?

– Мы – ничего!

– Ничего? Я, ваш господин, чуть не утоп в проклятой грязи. Это – ничего?! – щеки Филиппе залились румянцем негодования, а изящно очерченные губы задрожали. Ему пришлось прыгать на одной ноге, хватаясь за плечо синьора Буонарроти, чтобы сохранять равновесие и продолжать колотить проштрафившуюся прислугу. – Кто выкопал эту яму?

– Не. это не мы!

– Тогда кто? Отвечайте!

– Нам про это ничего не известно.

Синьор де Розелли вернул туфлю на ногу и топнул, вздыбив брызги жидкой грязи.

– Выходит некто тайком, среди ночи, выкопал здоровенную яму посреди моих собственных владений? – он совершенно по-женски всплеснул руками – синьор де Розелли ухитрился унаследовать от матушки не только манеры, но и вздорный нрав. О, злые времена наступили сейчас для Флоренции, даже в самом прекрасном теле может обосноваться мелкая, избалованная душонка. Мессир Фичино² преждевременно написал трактат о гармонии христианской и языческой веры и тождестве совершенства духовного и телесного. Лишь смерть несет душе совершенство, отнимая у нее телесную оболочку. Микеланджело надвинул капюшон, чтобы спрятать ироничную улыбку, и посоветовал молодому человеку, готовому загубить свое совершенное тело на холодном ветру:

– Возвращайтесь домой, Филиппе, задайте взбучку своему управляющему! Пусть дознается, кто выкопал чертову яму.

– Действительно! Пусть выяснит, кто это был. Я эту мерзкую тварь... – он поджал губы и выпятил вперед подбородок. – Засужу!

Филиппе гордо вскинул голову, повернулся и направился

---

² Фичино Марсилио (1433–1499) – итальянский писатель-гуманист, философ и теолог.

в сторону виллы Розелли победной поступью римского легионера.

Микеланджело не торопился догонять его, а нагнулся и внимательно оглядел траву у себя под ногами. Грязи здесь было удивительно мало, сомнительно, чтобы дождь, который стал накрапывать всего пару часов назад, смыл холм земли, который неизбежно возникает, когда копают такую глубокую яму. Возможно, из ямы извлекли объемный кусок грунта? Но кому и зачем потребовалось извлекать этот кусок тайно?

Он выпрямился, обошел вокруг ямы и обнаружил на грунте рядом с пышным кустом шиповника следы колес и мятую траву. Похоже, несколько человек тащили отсюда тяжело нагруженную тележку.

...Возок... соседский возок. – всплыли в памяти слова экономки, поэтому Микеланджело совсем не удивился, когда следы колес привели его к калитке в ограде из желтого камня. Он не стал стучать, а прошел еще немного, выбрал подходящее место и перемахнул через ограду прямо в запущенный сад, под прикрытием веток прокрался к небольшому рабочему помещению, примыкавшему к конюшне. Обычно такие устраивают для хранения износившейся конской сбруи, сломанных колесных ободьев и вышедшей из употребления домашней утвари. Такое место очень подходит, чтобы хранить «возок», – любопытство заставило его припасть к щели в разошедшихся воротах пристройки. Среди прогорклого от пыли сумрака высилось нечто, похожее на человека.

Нет, скорее это был узкий предмет, высотой в человеческий рост, прикрытый большим куском парусины. Небрежно наброшенная ткань съехала, представила его взору нечто, подобное светлому обломку скалы. Сердце скульптора колотилось с небывалой скоростью. Он уже не просто догадывался, а был уверен – под грубой тканью, слоями земли и грязи таится мраморная статуя...

Глава 2

Непогода усиливалась, дождевые капли на лету превращались в крошечные острые кристаллы льда, больно впивались в кожу. С каждым порывом ветра верхушки деревьев надсадно скрипели, а ледяная крошка становилась крупнее, достигла размеров крупных бобов и колотила по скатам крыши так звонко, что синьор ди Буонарроти не сразу расслышал голос, обращенный к нему. Силуэт обладателя голоса обозначился среди снежной круговерти – жизнерадостный толстячок, он подошел так близко, что Микеланджело смог хорошо разглядеть его лицо, покрытое сеточкой тонюсеньких алых прожилок, типичной для закоренелых выпивох. Скульптор распрямил плечи и улыбнулся – житейский опыт подсказывал, что договориться о сомнительном дельце проще всего с человеком, имеющим пристрастие к выпивке.

– Эй! Мне что, в третий раз повторить? Какого рожна вы здесь ищете, синьор?

– Я ищу мессира Бальтасара.

Толстячок поежился под худым плащом, вся его одежда имела затрапезный вид.

– Хозяина нету, но если вам требуются какие пилюли или порошок – пожалуйста.

– Мессир оставил вам ключи от аптеки?

– Мне? Да вы шутник, синьор! Я же здесь вроде кучера,

а конюха мессир не держит, потому я управляюсь за обоих. Вся связка ключей сейчас у маэстро³ Ломбарди.

– Он эмпирик?⁴

– Ась?

– Этот синьор практикующий врач?

– Ну. Если сказать по-простому, он на подхвате у самого мессира.

Толстячок толкнул плечом тяжелую дверь и пропустил скульптора в закопченную комнатнушку, служившую кухней. Стены были сложены из такого же тесаного камня, что и ограда, а узкие, как бойницы, окна почти не впускали сюда света, наверняка здание, в котором обосновался мессир, было выстроено не меньше трехсот лет назад. Как и в те забытые времена, вокруг очага толкалась домашняя челядь, всем своим видом подтверждавшая слухи о редкостной скаредности мессира Бальтасара. Выглядели они натуральными ободранцами, даже короткая докторская мантия, наброшенная на плечи высокого молодого человека, при ближайшем рассмотрении оказалась довольно потрепанной. Без сомнения, он и был маэстро Ломбарди. Микеланджело спросил

---

³ Маэстро – устаревшее обращение к уважаемым представителям медицинской профессии, еще одним атрибутом была подбитая мехом мантия, длина которой варьировалась в зависимости от городских уложений о роскоши.

⁴ Эмпирик – одна из категорий медиков в Италии периода Ренессанса, в отличие от выпускников университетов, эмпирики получали разрешение на практику, сдав несложный экзамен в профессиональной гильдии, и зачастую не имели специального образования.

порошков от головной боли – в непогоду эдакая напасть мучит очень многих – хотя сам он был человеком физически крепким и не подверженным эдакой напасти, а всего лишь рассчитывал быть приглашенным в комнаты, где выставлены раритеты из коллекции.

Расчет оправдался лишь отчасти, маэстро действительно провел его в лабораторию «учителя», как он называл мессира Бальтасара. Хотя почетное место в комнате занимала *Ricettario fiorentino*⁵ – официальный фармацевтический справочник, установленный на специальном пюпитре – любой алхимик счел бы себя в раю, попав сюда: перегонные кубы поблескивали посеребренными боками, между которыми змеились витые трубки, колбы, закрепленные в высоких штативах, замерли над горелками, тигли разных размеров теснились у стены, а сосуды цвета кобальта были готовы принять редкостные субстанции. Между ними теснились стеклянные, фарфоровые, глиняные горшочки и баночки с ярлычками, заполненными по-латыни аккуратным почерком. Всякий артист черпает у природы не только вдохновение, но и инструменты, потому многие наименования были знакомы Микеланджело, а некоторые субстанции считались большой

---

⁵ *Ricettario fiorentino* (лат.) – в XV веке во Флоренции была введена законодательная регуляция деятельности аптекарей и напечатан первый официальный сборник рецептов *Ricettario fiorentino* – первая в мире фармакопея. Хотя сборник наряду с лекарственными прописями включал рецептуры косметических средств и кондитерских изделий, он оказал существенное влияние на принципы организации всех последующих фармакопей.

редкостью.

Не удержавшись, он протянул руку к узкому флакону из прозрачного стекла, схватил и встряхнул его. Темно-красный порошок внутри приятно зашуршал – действительно «*Daemonogors draco*»⁶ – «Драконоья кровь»!

Торговцы специями и ладаном иногда привозят эту редкостную субстанцию. Рассказывают, на затерянных среди морей островах, где пролилась кровь последнего дракона, выросли особые деревья. Когда над морем рокошет и сверкает молниями ураган – за окном загремел мощный грозовой раскат, да такой, что Микеланджело вздрогнул, – кора на их стволах трескается, выпуская наружу кровавые слезы дерева – его сок. Жгучее солнце высушивает его, руки сборщиков превращают окаменевшие капли в порошок... которым скульпторы пользуются при полировке мрамора.

Маэстро резко выдернул флакон у него из рук и вернул на место – его учитель не какой-то шарлатан, или хуже того, чародей, отдавший душу в заклад Сатане, он ученый медик, а всякому врачу известно, что растворенная «драконова кровь» убивает ядовитые миазмы даже самых страшных недугов вроде черной оспы или чумы. Тем и ценен.

Он отпер ларь со снадобьями, вытащил связку бумажных пакетиков, отсчитал три штуки и сунул его синьору ди Буо-

---

⁶ *Daemonogors draco* (лат.) – «Драконова кровь» – засохшая древесная смола некоторых видов драцены, получила название за красный цвет. Субстанция растворяется в спирте и нефтяных маслах. Используется в изготовлении красок, лаков и обработке (полировке) мрамора.

нарроти, принял монеты в оплату. Помощник показался ему человеком малообщительным, а черты его лица выглядели вполне заурядными. Однако было в его лице нечто такое, что заставило взгляд скульптора задержаться. Он был достаточно опытным артистом и знал, как вдохнуть жизнь в зарисовку или скульптуру – обычным человеческим лицам несвойственна симметрия. Сделай легкий намек на разницу между частями лица или подчеркни ее до гротеска, и оно обретет живость. Но лицо маэстро Ломбарди были слишком правильными, его глаза, ноздри, скулы и даже уголки губ повторяли друг друга с дотошной точностью, как на ученическом подмалевке.

Вдоволь налюбовавшись этим феноменом, он осведомился о диковинках, которые собирает мессир Бальтасар, и был вознагражден осмотром заспиртованного цыпленка о двух головах, чучелом крокодила, десятком топорных зарисовок человеческих органов и тканей, и целой шеренгой недурно обработанных звериных и человеческих черепов со следами разнообразных травм. Никакого прозрачного, стекляннго черепа среди них не обнаружилось, а единственным раритетом, пробудившим любопытство в Микеланджело, была ловкая подделка. Некто, обладавший ловкими руками и поистине inferнальным чувством юмора, соединил вместе части волчьего и человеческого черепов, дополнив свое творение необычайно длинными резцами, выточенными из коровьего рога. Химера была поименована на бирке как «Че-

реп ликантропа (человеко-волк) из Валахии».

Картинам, изваяниям и подобным им объектам, лишенным практического смысла не нашлось места ни в коллекции диковинок, ни в самом доме мессира Бальтасара. Ста-туй здесь нет. Ни одной. Ни единой. Как истинный ученый муж, он считает любование подобными объектами бессмыс-ленной тратой времени.

Маэстро Ломбарди, явственно тяготившийся общением с посетителем, призвал в помощники красномордого толстяч-ка и велел проводить синьора до ворот – град только что пре-кратился.

* * *

Градины размером с грецкий орех, а некоторые даже с младенческий кулачок, все еще лежали на испуганной при-мятой траве. Солнечные лучи не торопились прорвать леги-оны черных туч, чтобы растопить их, а ледяной ветер заби-рался под одежду без всякого сочувствия к живой плоти. Си-ньор Буонарроти заметил, как его провожатый поежился под плащом, и взгрустнул:

– В такую погоду нехудо согреться глотком винца.

– Выпить винца, синьор, нехудо в любую погоду! – фырк-нул толстячок и надвинул поглубже засаленный головной убор, некогда числившийся беретом. – Жаль, никто не нали-вает.

– Держи, – скульптор раскошелился еще на одну монету. – Сдается, ваш хозяин большой скопидом.

– Это точно, синьор, щедрости в нем нету, – он, понимаете, лечил мне грыжу, ну и подрядил к себе в услужение, в счет оплаты. С тех пор уже много воды утекло, а просить прибавки, как-то неловко, мессир все мое семейство пользуется, никогда не отказывает. Знаете, как бывает в большом доме – то одно, то другое.

Они дошли до самой калитки и остановились. Хотя ветер отчаянно трепал плащ скульптора, уходить он не собирался и заметил с сочувствием:

– Горько слышать, надеюсь тем землекопам, что выкопали глубокую яму по соседству, заплатили лучше, чем вам.

– Да какой там лучше, синьор! Это мы и выкопали, с одним парнем, который навроде садовника, а мессир стоял рядом с лебедкой, которую сам собирал целую неделю, и знай, покрикивал «Торопитесь!». Ночь, холод, воды набежало по колено – а он заладил «Торопитесь!».

– Для чего же потребовалось лебедка? – делано удивился синьор Буонарроти.

– Потому двоим такую здоровенную штуку не вытащить. Она же с камня, тяжелая!

– Какое дивное дело. Что же это была за штука?

– Ой, сейчас застудимся, – снова поежился кучер. – Лучше идемте в сарай, чтобы вы сами на это дело поглядели. Мне не жалко! Человек, вы вижу, приличный, потому хоро-

шего человека сразу видно.

По мокрой траве они вернулись к постройке, толстячок наконец-то опустил в кошель монету, которую так и держал зажатой в кулак, затем отстегнул от связки на поясе большой ржавый ключ, которым отпер двери.

– Вот она, чтобы этой тяжести в аду сгореть, – кучер чихнул, высморкался и по-хозяйски стащил холстину. Совершенство предстало во всей красоте, такой ослепительной, что Микеланджело невольно отступил на шаг назад.

Перед ним стоял мускулистый юноша, его тело чуть откинулось назад, наполнив упругостью мышцы бедер и ягодицы. Его голову оплетал венок из гроздей молодого винограда, они опускались на прекрасное лицо, и ласкал его как кудри, голова едва заметно склонялась к плечу, а губы приоткрылись, исполненные жажды наслаждений. – Микеланджело прикрыл глаза, чтобы запечатлеть на чистом полотнище памяти малейшие детали представшего ему изумительно изваяния. Но его добросердечный провожатый истолковал это движение иначе, быстренько выскочил на улицу, схватил стоявшую у стены бадью для дождевой воды, в которой плавали не успевшие растаять градины.

– Грязная, синьор? Сейчас одним мигом поправим.

Без малейших раздумий он окатил статую водой из бадьи! Куски льда глухо застучали о мрамор. Человек он был простой и искренне верил, что делает хорошее дело, но странный гость замахал на него руками и бросился к каменному

идолу с криком:

– Что ж ты делаешь – ты его покалечишь!

Кучер только хмыкнул:

– Покалечу? Синьор, он вроде уже неживой.

Капелька воды стекла из уголка глаза юного Вакха как слезинка, прокатилась по щеке и достигла тонко очерченного подбородка, на шее можно было различить полнокровные вены, а мышцы под кожей руки, сжимавшей кубок, выглядели настолько естественно, что даже ему не изваять лучше. Чуткие пальцы скульптора потянулись к поверхности мрамора и ощутили знакомый холод. Такой исходит от дикого камня, пока пальцы скульптора не наполнят его теплом, не подарят ему жизнь. Он обошел статую кругом и разглядывал ее со всех сторон, пока кучер не кашлянул за его спиной, напоминая о позднем часе.

Нехотя он вернулся на виллу де Розелли, прошел прямо-ком в спальню, опустился в кресло рядом с кроватью – терпеть не мог душных пологов, смежил веки вспоминал изваяние во всех изгибах и малейших деталях, подобно влюбленному, который во всякий час видит мысленным взором лишь объект своего обожания...

* * *

...Наконец, ему стало казаться, что изваяние ответило на его прикосновение, нежные, прохладные пальцы обняли его

запястье, а губы постепенно наполнялись жизнью, приобретали цвет утренней зари. Мускулистые предплечья вздрогнули, за ними плавно, раскинулись два белоснежных крыла, перья были такими нежными и легкими, какими бывают только у ангелов. Они вибрировали, подобно струнам дикийннго музыкального инструмента, наполняя все вокруг дивной музыкой. Неожиданно самые коники передышек почернели, словно обуглились. Из белоснежных крылья стали иссиню-черными, как оперенье ворона, а потом и вовсе сделались огромными, как ночь. Когда они снова открыли лик своего хозяина, его нос уподобился клюву грифа, мощному и злому. Вместо ангела взорам открылась громадная черная птица, она поднялась вверх и закружила в грозовом небе над Флоренцией, готовая броситься вниз и сразить любого. Адские бездны отражались в глазах этого исчадья, оно несло прямиком на Микеланджело, и не было силы, способной остановить его!

Глава 3

Впервые за долгие годы Микеланджело проснулся от собственного крика и не сразу сумел сообразить, где находится. Камин давно прогорел, зала остыла, и только холодное осеннее солнце продолжало струить свет сквозь толстые оконные стекла. Он пригладил волосы, расправил смявшееся платье, и нехотя поплелся искать прислугу, чтобы спросить глоток вина и кусок хлеба с сыром или холодной говядиной. Но был замечен синьором де Розелли и приглашен в его рабочие комнаты.

Филиппе, поджав ноги, устроился в высоком кресле с резной спинкой. Пальцы юноши – крепкие, прекрасные пальцы, созданные ее милостью Природой специально, чтобы держать прашу Давида или натягивать тетиву лука подобно Аполлону, – щелкал костяшками счет, сверяя записи в приходной книге. Когда синьор Буонарроти приблизился достаточно, чтобы разобрать буквы, молодой человек оставил свое занятие и продемонстрировал ему целую стопку документов, увешанных алыми печатями. Это были судебные решения, все они подтверждали, что семейство де Розелли отстояло право на спорный участок земли между двумя домовладениями в многочисленных судебных тяжбах, еще при жизни дедушки юного синьора де Розелли. Микеланджело нехотя взглянул на документы, ибо не разделял пристрастия

к любимейшей забаве достославных граждан Флоренции – сутяжничеству. Нынешний поверенный семьи замер у секретера в полупоклоне, всем своим видом выражая готовность к услугам, повернулся к новоприбывшему, и оценивающе взглянул на него белесыми рыбьими глазами:

– Представьте себе, мой дражайший синьор Буонарроти, – огорченно сообщил Филиппе, – я ни свет ни зоря послал за своим поверенным, синьором Таталья, чтобы составить документ о недопустимости нарушения границ моих личных владений, но выяснилось, что даже он ничегошеньки не может сделать! Чертов мессир Бальтасар оказался редким прохвостом!

Упомянутый синьор Таталья поклонился, придерживая круглую бархатную шапочку:

– Вчера мессир Бальтасар скончался, – объяснил он. – Теперь придется ждать официального объявления наследника его имущества и владений, чтобы учинить иск, истребовав компенсацию за порчу участка сада и выплаты штрафа.

– Вот как? – неподдельно удивился Микеланджело. – Вчера я по случайности говорил с его прислугой, никто из них словом не обмолвился о болезни мессира...

– Его кончина была скоропостижной и произошла в чумном лазарете, – вздохнул правовед. – Это страшный недуг! Чума разгулялась, даже лекарям нет от нее спасения. Когда моровое поветрие пришло на улицы Флоренции в прошлый раз, смерть забрала столько народу, что копать могилы стало

попросту некому. Трупы сбрасывали в реку, пока они не перекрыли русло. Вода не успевала уносить их и разливалась вокруг, река быстро обратилась в зловонное болото. Через несколько дней вся округа наполнилась зловонными миазмами, до русла Арно могли добраться только безумные...

– Все так, синьоры. Еще моя бабка рассказывала, что чума щадит дураков, уродцев и безумных, – поддакнула вездесущая экономка. – Видно, Господь их любит. Но кто нормальный, тоже может уберечься, обкуривая дом и одежду дымом. Я уже наказала просмолить побольше соломы, зажечь пучок и обкурить посыльного, который бегал к соседу, мало ли что... Отче Джироламо правильно говорит – грядут последние времена!

Разговоры про грядущие погубительные ужасы чрезвычайно раздражали синьора Буонарроти, как человек образованный и не чуждый медицинского знания, он был прекрасно осведомлен, что холод служит лучшей защитой от распространения чумных миазмов, а нынешняя осень выдалась на удивление ранней. Еще несколько недель назад заморозки превратили виноградные грозди в цветные ледышки, значит, совсем скоро над Флоренцией закружат снежные мухи, больных станет меньше. Вороньей стае монахов придется свернуть лазарет и сократить свои проповеди. Итак, он решил вернуть своих собеседников к делам земным, и не лишенным меркантильного интереса.

– Послушайте, синьор Таталья, я хотел бы выяснить один

нюанс.

Правовед всем своим видом выразил готовность ответить.

– Если нечто было зарыто в землю давным-давно, кому это принадлежит?

– Собственнику земли, разумеется, если у этой земли есть собственник!

Убедившись в собственной правоте, синьор Буонарроти выманил Филиппе в библиотеку и поведал о великолепном античном изваянии, на которое у полновластного господина виллы де Розелли имеются все законные права. Сокровище следовало изъять незамедлительно, пока не объявились наследники мессира Бальтасара, и старая тяжба за пограничный земельный участок не вспыхнула с новой силой.

* * *

Призвав в помощники правоведа и пару дюжих работников, небольшая процессия двинулась к соседнему особняку, замыкала ее экономка, синьора Косма в небрежно наброшенной на плечи меховой накидке, лишь чуть-чуть побитой молюю. События складывались самым благоприятным образом – во всяком случае, сначала Микеланджело казалось именно так. В доме не обнаружилось никого, кроме кухера да кухонной прислуги, всю ночь усердно заливавших печаль о почившем господине вином. Вид казенных печатей, солидная цепь на шее юриста вкупе с мехами эконо-

ки да крепкими кулаками работников произвели на толстяка-кучера большее впечатление. Он сознался, что действительно помогал выкопать какую-то здоровенную статую, однако действовал не по собственной воле, а по приказу мессира Бальтасара. Затем он согласился расстаться с винным кувшином и отварить пристройку.

Как только двери в пыльный мрак распахнулись, вуаль утреннего света окутала скульптуру, казалось, Вакх улыбнулся своим избавителям уголками мраморных губ. Он был поистине прекрасен, и Микеланджело мысленно проклял римлян, имевших варварский обычай перевозить статуи, созданные греческим резцом, предварительно сняв с пьедесталов. Такой подход многократно усложняет атрибуцию гениальных творений, ведь греки высекали имена скульпторов именно на постаментах! Он вознамерился броситься внутрь и прикинуть, как лучше транспортировать эдакое сокровище, но синьор де Розелли вцепился в его плечо и попытался удержать.

В кулаке Филиппе был зажат пропитанный уксусом платок, который время от времени подносил к носу. Он до чрезвычайности боялся, что любезный синьор Буонарроти, равно как и все остальные, начиная с него самого, падет жертвой моровой язвы. Синьор де Розелли был юношей изящного и соразмеренного сложения, отнюдь не выглядел болезненным, однако же отличался крайней степенью мизантропии и успел решить, что мессир Бальтасар, частенько посе-

щавший карантинный барак, успел напустить в эту жалкую постройку смертоносных чумных миазмов. Он убедился в существовании статуи и вознамерился запереть ее – там, где стоит, – опечатать двери и оставить все как есть, вплоть до оглашения наследников.

Однако же в дело вмешалась синьора Косма. Экономка считала, что бросать свое собственное добро в чужой конюшне нет никакого резона. Прислуга покойного мессира сплошь лоботрясы и пьяницы, разве такие смогут уберечь хорошую и дорогую вещь? А отвечать перед хозяйкой синьоре Косме – подумать страшно, сколько такая здоровенная мраморная штукавина стоит, ни с какого жалованья не расплатиться. Моровое поветрие не великая беда – торговцы на рынках во время мора спокон веку бросают монеты в миски с уксусным раствором, чтобы избежать заразы, значит, и статую достаточно будет обернуть вымоченными в уксусе тряпками.

Скульптору пришлось сжать кулаки, чтобы унять гнев и не наброситься на добрую женщину – статуя выглядела живой и теплой благодаря особой обработке мрамора, которую Микеланджело собирался тщательно изучить, уксус, без сомнения, разрушит эту нежную текстуру, как только соприкоснется с ней. Пока он придумывал, как ответить синьоре Косме, не нарушая рамок приличия, почтенный правовед предложил собственный способ избавиться от заразы. Очистительное пламя, и нет лучшей защиты, считал он. Статую

следует обложить соломой и хворостом, а затем – поджечь. Мраморным каминам от огня никакого вреда, с идолом тоже ничегошеньки не случится.

Судьбина часто несправедлива к смертным – трудности накатили на него со стороны, которую Микеланджело считал союзной! Похоже, пришло время вмешаться, он решительно направился к изваянию, казалось, готовый прикрыть его от опасности собственным телом, провел ладонью по прохладному мраморному бедру. Изваяние пролежало в почве больше тысячи лет и покрылось сеточкой трещин, некоторые были тоньше человеческого волоса, другие и вовсе незаметны, но влага проникает с их помощью в самую глубину. Если опалить статую огнем, влага мгновенно превратится в пар и неизбежно расколет мрамор на куски, тогда семейство де Розелли лишится шедевра, который способен положить начало величайшей из коллекций Флоренции!

Он подошел к Филиппе, который выглядел польщенным и растерянным одновременно, и ободрил его. Спасет изваяние только алхимия – самая прогрессивная из доступных непраздным умам наук, разумеется, если синьор де Розелли выразит желание приобрести небольшой бочонок карминьяно⁷, а кроме того, субстанцию, именуемую «драконья кровь» и наличествующую в домашней лаборатории мессира Бальтасара.

Кучер тут же выскочил вперед и угодливо поклонился так

---

⁷ Карминьяно – сорт красного виноградного вина, производимого в Тоскане.

глубоко, что поросший щетиной подбородок коснулся груди:

— Ежели кто из вас, синьоры, знает, как этот суп... тьфу... словом — штуковина выглядит, я готов за ней сбегать, задля-ради хорошего дела! Мессиру оно теперь без надобности. Наследникам его — тем более, среди них могут оказаться богобоязненные люди, которым вся эта музыка не требуется. Зачем добру зря пропадать? — его намерение тут же было подкреплено парой монет, которые швырнул синьор де Розелли.

Дождаться бочонка с вином пришлось несколько дольше, ведь синьора Косма лично выбирала его. Этой рачительной женщине пришлось сделать немало глотков, прежде чем она выбрала самое кислое и негодящее. Но время ожидания не пропало напрасно, синьор Буонарроти как раз успел, прибегнув к помощи слуг, привести в рабочее состояние забрызганную жидкой грязью лебедку, оплести статую веревками.

На земляном полу пристройки разложили небольшой костер, чтобы согреть громадный чан с вином. Когда над поверхностью закрутился легкий пар, синьор Буонарроти эффектным жестом высыпал содержимое пузырька с этикеткой «драконья кровь». Предполагалось, что полученная смесь целиком и полностью очистит статую от вредоносных миазмов, в существовании которых Микеланджело очень сомневался. Порошок мгновенно растворился, в облаке пара рассыпались крошечные сверкающие искорки. Синьора Косма охнула и перекрестилась:

– Господи Иисусе, на все твоя воля!

Когда все кругом наполнилось пряным ароматом, синьор Буонарроти сделал работникам знак, чтобы начинали. Они медленно повернули скрипучий ворот лебедки, статуя вздрогнула, поплыла сначала вверх, потом качнулась и стала опускаться прямоком в винную купель. Мраморные стопы исчезали в клубах парах, раздался звук, похожий на легкий всхлип, статуя накренилась и погрузилась в жидкость насколько позволила глубина чана – целиком, до самого венца из виноградных гроздей.

Экономка сделала несколько мелких шажков, приблизилась к синьору де Розелли вплотную, и зашептала ему на ухо, привстав на цыпочки:

– Помяните мое слово, синьор! Напрасно вы позволяете такое чародейство. Разве мыслимо ждать добра в доме, где черти плясали на шабашах? А ну как идолище оживет?

Кучер стащил засаленный берет и перекрестился, правовед побледнел – статую стали осторожно извлекать из чана и вернули на подставку. Винные капли стекали вниз, вся поверхность невыразимо прекрасной статуи оказалась покрыта нежнейшей пленкой естественного телесного цвета, Микеланджело и сам был готов поверить, что веки молодого Вакха вот-вот вздрогнут и откроются, а грудь начнет раздаваться от глубокого вдоха, а уста разомкнутся...

Он невольно вздрогнул и оглянулся, когда за спиной раздался вкрадчивый голос:

– Что здесь происходит?

Дверной проем перечеркнула бесконечно длинная тень, которую отбрасывала недобрая птица с огромным клювом. Адское, черное, демоническое видение! Слова повисли в плотной, физически ощутимой тишине, присутствующие переглядывались. Экономка принялась креститься, кучер вдруг начал громко икать, и только правовед, сер Таталья, обладал достаточным здравомыслием, чтобы уточнить:

– По какому праву, синьор, вы явились сюда и задаете вопросы?

Темное существо избавилось от клюва – на поверку оказавшегося докторской маской, сшитой из кожи в форме птичьего клюва, заполненного ароматными травами и пропитанными уксусом губками. Новоприбывший поклонился излишне церемонно, как свойственной людям скромного звания, пытающимся сойти за аристократов, пропитанные маслом и воском полы его докторского облачения зашуршали, и представился:

– Маэстро Ломбарди, я помощник мессира Бальтасара, – он взглянул на статую, которую как раз начали оборачивать соломой и парусиной, чтобы уберечь от порчи при перевозке, и нахмурился. – Синьоры, я не могу позволить расхищать имущество мессира...

– Покойного. Синьор Бальтасар присвоил этот предмет, без всяких законных оснований. Изваяние возвращается к законному владельцу, синьору де Розелли. Только и всего, –

объяснил синьор Таталья со свойственным его профессии равнодушием, проверил, насколько крепко обвязали статую, которую уже успели уложить в повозку, и добавил. — Наследники покойного Бальтасара могут обратиться в суд, если считают таковые действия неправомерными. Но их шансы в этом деле ничтожны, у моего клиента, синьора де Розелли, имеются все необходимые документы. Так и передайте, маэстро Ломбарди. Желаю здравствовать.

Упакованную статую забросали соломой — для пущей сохранности, один из работников синьора де Розелли хотел занять место кучера, но Микеланджело отстранил его и сам забрался на козлы — в его правилах было всегда и во всем полагаться исключительно на себя. Он протянул руку Филиппе, помог ему устроиться рядом и погнал коней со свистом и гиканьем.

Глава 4

Статую юного Вакха временно разместили в мастерской синьора Буонарроти. Синьор Таталья поддержал решение своего доверителя: действительно, если наследники мессира вступят в права и решатся учинить иск – им будет гораздо сложнее изъять имущество, переданное на хранение третьему лицу, без судебного решения в свою пользу. Общение с подобными крючкотворами вызывали у Микеланджело чувство, сходное с зубной болью. Наспех расписался в документах, выставил почтенного правоведа за порог, и замер перед изваянием. Он изучал изгибы статуи, обработку мрамора, полировку и следы резца, пока солнечный свет не погас за окном. Приказал зажечь светильники и продолжил работать, не замечая ни духоты, ни копоты. Мысль создать шедевр, способный затмить работу античного гения, так увлекла его, что он сутками напролет не выпускал из рук резец, сон для него смешался с явю, борода растрепалась, в темных прядях застряли крошки белого мрамора, а кожа посерела от пыли. Он выглядел настолько пугающе, что ни подмастерья, ни прислуга не решались прервать его иступленной работы, он наверняка умер бы от истощения, но вдруг окончился гипс.

Некоторое время он сидел на полу, разглядывая опустевший мешок, медленно возвращаясь сознанием в круг повсе-

дневной суеты, а потом плеснул в лицо водой и отправил подручного за свежей рубахой, пододвинул чернильницу, но не обмакнул в нее перо сразу. Некоторое время Микеланджело разглядывал статую: он успел изучить каждую пядь мрамора, его пальцы помнили каждый завиток и каждую рытвинку. Он сделал несколько копий в разном материале и масштабе, но только сейчас понял, что единственный изъян этой статуи таится в ее совершенстве! Она была слишком завершенной и красивой: сытый и безразличный юноша с наметившимися жировыми складками мало походил на Диониса – бога мистерий, скользившего по хрупкой грани между разумом и безумием, бога, способного дарить душам смертных новое телесное воплощение. Чаша в его руке несет кому легкое веселое подпитие, кому счастливое алкогольное забытие, а кому – черную меланхолию, способная убить, быстрее моровой язвы. Толстые сонные веки мало подходят капризному и вздорному юноше, воспитанному среди подолов нимф из Нисейской⁸ долины. Его Дионису требовалось совсем другое лицо, другая шея, другие ступни, другое тело...

Филиппе! Вот кто нужен ему в качестве натурщика. Словно нехотя, Микеланджело обмакнул перо в чернильницу, написал записку к синьору де Розелли, в которой приглашал своего любезного друга навестить их со статуей Вакха в его

---

⁸ Нимфы – низшие божества женского пола в греческой мифологии. Нимфы классифицировались согласно местам их обитания – гротам, водоемам, рощам, долинам. Нимфы, укрывшие и воспитавшие Диониса (которого называют так же Вакхом или Бахусом), обитали в Нисейской долине.

мастерской. Свернул, запечатал и окликнул мальчишку-подмастерье, велел отнести письмо. Но мальчишка смешался, виновато опустил глаза и спросил, подождет ли послание до утра? Идти в такую даль под вечер он опасается: рассказывают, вчера у городской стены нашли удушенника, еще другого обнаружили днем раньше, на задворках суконной мастерской. Это был совсем маленький мальчик, его тонкая шейка переломалась и голова болталась, как оборванный цветок.

Микеланджело чертыхнулся, отвесил подмастерью подзатыльник, чтобы меньше слушал базарных кумушек, и отправил послание с факельщиком.

* * *

Подушки и ковры пришлось основательно выбить, а с кресел и столиков отряхнуть пыль, прежде чем перенести означенные излишества в мастерскую из собственных жилых комнат синьора Буонарроти. Скульптор предпочитал все время проводить в мастерской, где обстановка была самая аскетическая, он даже приказал устроить прямо здесь узкую, почти солдатскую койку. Однако для гостя, которого он дожидался, требовался куда больший комфорт и немного лести.

– Филиппе, мой драгоценный друг, поверьте, вы навечно войдете в историю!

– Это так неожиданно... прямо не знаю... – синьор де Ро-

зелли оторвал взгляд от картонов с эскизами статуи, поправил подушку и подпер ладонью щеку. – Я думал, чтобы войти в историю надо сначала войти в Синьорию, стать одним из восьми приоров⁹... – он мечтательно вздохнул. – Я никогда не думал, что могу так многого добиться в искусстве. Знаете, синьор Да Винчи предлагал написать мой портрет, предав мне черты Фаэтона¹⁰.

– Фаэтона – вам? – Микеланджело схватил молодого человека за подбородок и резко повернул, словно он уже был мраморным изваянием, которое требует профессиональной оценки.

– Ой! – взвизгнул Филиппе, опасаясь, что скульптор вывихнет ему челюсть.

– Нет. Настоящая глупость писать Фаэтона с человека, который просто-таки родился Дионисом! Впрочем, разве можно ждать разумных решений от человека, у которого обе руки – левые?

– Неужели? – глаза молодого человека округлились от удивления. – Я не заметил.

– Просто вы не приглядывались. Живописцы в большин-

---

⁹ Приор – один из восьми руководителей Флорентийской республики, избирались в Синьорию по жребию сроком на два месяца. В обязанности приоров входило решение оперативных вопросов городского управления и подготовка законодательных актов.

¹⁰ Фаэтон – в древнегреческой мифологии один из сыновей бога Солнца Гелиоса, неумело управлял отцовской солнечной колесницей и едва не сжег Землю. Чтобы спасти мироздание Зевс был вынужден поразить юношу молнией.

стве своем всего лишь несостоявшиеся скульпторы, выбраковка из славной профессии скрапеллино – гильдии камениотесов. – синьор Буонарроти брезгливо поморщился. Он в грош не ставил коллег по профессии, а заносчивого мужлана, именующего себя «Да Винчи» с его жалкими лакированными холстами и прожектами механизмов, бессмысленных, как детские игрушки, просто-таки на дух не выносил. – Что еще сказать о человеке, который долгое время представлялся «военным инженером», однако не способен отлить элементарную конную статую?

– Надо же. – впечатленный синьор де Розелли весьма живописно склонил голову к плечу и вздохнул. – Знаете, моей матушке тоже не понравилась его затея с Фаетоном, она так и сказала: лучше пригласим к нам погостить синьора Буонарроти. Он человек хорошего происхождения и достойный артист, раз сам Лоренцо Великолепный принял его под свой кров. В палаццо Медичи привечали исключительно людей с безупречным вкусом, так считает матушка.

Синьор Буонарроти познакомился с матушкой Филиппе много лет назад, когда жил под благословенным кровом палаццо ди Медичи, иной раз даже подавал ей святую воду из чаши перед мессой. Поэтому он имел множество случаев убедиться, что вдовствующая синьора де Розелли разбирается в искусстве не лучше раскормленной деревенской гусыни, но в отличие от глупой птицы еще и набожна сверх всякой меры. Едва в городе обнаружили первые недуж-

ные и поползли слухи о грядущей эпидемии, она, подобрав пышные юбки, запрыгнула в карету и поспешила укрыться под крылом своей кузины – сменившей мирское имя Лавиния-Флора на имя Мария, дабы принять монашеские обеты, а затем стать настоятельницей женской картезии¹¹. Это была большая удача, потому как в остальное время Микеланджело приходилось выносить чудачества синьоры де Розелли ради общества ее драгоценного отпрыска. Поэтому сейчас он пытался придать голосу искренность и теплоту.

– Советы вашей матушки всегда исполнены мудрости.

Молодой человек кивнул в знак согласия и снова опустил взгляд на эскизы:

– Но. вы полагаете, матушке понравится это? В том смысле, что я здесь. как бы сказать. совсем. э. без одежды? Голый!

– Взгляните сюда, Филиппе, – скульптор взял своего гостя за плечи и повернул лицом к той части мастерской, где помещалась статуя Вакха в компании нескольких творений самого синьора Буонарроти, разной степени готовности. Человек, малосведущий в искусстве, с легкостью принял бы эти изваяния за скульптуры, созданные резцом греческого скульптора задолго до рождения Христова. – В строгом смысле это будет не портрет, а стилизация античной статуи Диониса.

– А я рассчитывал, что будет похоже, – раскапризничался Филиппе.

---

¹¹ Картезия – монастырь, в котором проживает община монахов – картезианцев.

– Разумеется, будет похоже, просто ваша матушка никогда не догадается, что это именно вы! – Филиппе удовлетворенно кивнул, и в мастерской закипела настоящая работа.

* * *

Сокровенной мечтой синьора Буонарроти было работать в полном одиночестве – в помощниках он не нуждался, однако в силу традиций, был вынужден терпеть целый выводок подмастерьев. Всем им строго-настрога запрещалось отвлекать его праздной болтовней. Он не собирался отвлекаться даже теперь – когда в двери мастерской колотили с большим упорством и силой. Вдруг узкое оконное стекло разлетелось вдребезги – прямо у его ног упал здоровенный булыжник. Следом за первым разлетелось второе стекло, следом за камнем на пол упал горящий факел, Микеланджело кинулся за таптывать его, и окликнул ближайшего мальчишку-подручного, толкавшегося у двери в мастерскую, не рискуя сунуться внутрь:

– Какого дьявола там творится?

Мальчишка понурил голову:

– Там это... Ловят убивица.

– И что? При чем мои окна?

– Говорят, это ваша статуя душит мальчишек...

– Статуя – душит? Вы что, совсем ополоумели? – он хотел было отвесить пинка болтливому мальчишке, но тот ловко

увернулся.

– Нет, синьор – это не мы! Весь город болтает, что статуя ожила... Говорят, один синьор признался в колдовстве, что он оживил для вас статую, – наперебой затараторили подмастерья. – До самого святого отца дошло, и он... в общем... Грозился прийти сюда! Мы боялись рассказать... вы нам уши надрали бы...

– Какие бредни! Тьфу!

Скульптор плюнул в сердцах – но одного плевка было недостаточно, чтобы погасить очередную пылавшую головню, которая влетела через разбитое окно. Дела обстояли хуже, чем полагал Микеланджело. Он засыпал огонь мраморной крошкой, насупился, крикнул перепуганным подмастерьям, чтобы мигом накрыли Вакха тряпками, а сверху накидали мокрого гипса и глины. Чем быстрее и уродливее у них выйдет, тем больше шансов, что их головы удержатся на плечах. Пусть работают, пока он попытается понять, что творится в окончательно спятившем городе, некогда носившем гордое имя «Флоренция». Отряхнул руки, стащил перепачканный рабочий передник и двинулся к входной двери.

Глава 5

Болезненному осеннему солнцу не по силам долго озарять небосвод, пропитанные промозглой сыростью сумерки вытеснили его за горизонт. Следом за сумерками улицы заливала маслянистая темнота, такая, что не продохнуть. Микеланджело плотно притворил за собой двери и воззрился на визитеров.

Большей частью это были обычные уличные горлопаны и ободранцы, охочие до зрелищ, они швыряли камнями и палками, в руках у некоторых были факелы. Но с появлением решительного и крепкого человека, с всклоченными темными волосами, разом притихли, сбились как свора бродячих собак вокруг группы монахов-доминиканцев, предводитель которой стоял на ступенях дома напротив. Рядом с ним успели поставить жаровню с углями, однако он не торопился протянуть руки к адскому жару, а держал сложенными у груди, спрятав в рукава ряссы. Его голова была чуть склонена вниз, капюшон затенял лицо почти полностью, ветер приподнимал ткань грубой ткани, открывая взорам нос, больше похожий на птичий клюв.

Человек поднял лицо, вызволив капюшону съехать с головы вниз. Игра света и тени на этом лице заинтриговала бы живописца более, чем скульптора. Его лицо с крупными, рельефными чертами было оттянуто кожей цвета пергамента,

оно эффектно выступало из темноты, казалось, его очи сверкают нетленным светом, исходявшим из самой души. Он не боялся ни холода, ни ветра, ни булатной стали, ни самого прародителя Зла – это был святой отец Джироламо Савонарола, пророк и неистовый проповедник, человек, слово которого обрело такую власть над гражданами Флоренции, что могло одарить надеждой или обратить в пепел. По правую руку от него поблескивали сталью кирасы и алебарды городской стражи, а чуть поодаль сливалась с тяжелыми волнами мрака фигура палача. Среди жидкой грязи у его ног копошился какой-то закованный в кандалы несчастный, перемазанный грязью и собственной кровью.

Время от времени палач опускал на его плечи многохвостую плетъ из сыромятных ремешков, увенчанных шариками свинца, тело вздрагивало и причудливо извивалось от боли. Микеланджело пришлось напрячь глаза, чтобы рассмотреть несчастного, узнать в нем маэстро Ломбарди оказалось непросто. Его одежда изорвались, нижняя сорочка перепачканная запекшейся кровью выбивалась сквозь разорванную ткань верхнего платья, кое-где еще сочилась кровь, щека превратились в сплошной кровоподтек, рука болталась как плетъ, кандалы удерживались на нем только силой господнего промысла. Волосы свалились в пасмы и торчали во все стороны, окружив голову жутковатым ореолом. Кожа его была настолько бледной, что даже в темноте на ней хорошо просматривался рубец, который шел поперек лба. Кожу по-

вредила веревка: несчастного пытали, сдавливая череп наброшенной на голову петлей. Синьор Буонарроти попытался предположить, какое преступление низвергло безобидного медика в столь плачевное состояние и заставило палача таскать несчастного по ночным улицам на цепи, как мартышку, однако не смог придумать ничегошеньки подходящего к случаю.

* * *

Святой отец Джироламо не замечал негодящей овцы, его пламенный взор был устремлен на двери мастерской и прожег в толстенных дубовых досках сквозную дыру, если бы не переместился на Микеланджело:

– Каменотес?

Синьор Буонарроти поклонился вежливо, но не слишком глубоко – как давнему знакомому. Он многократно наблюдал нынешнее первое лицо Флоренции еще в стенах палаццо ди Медичи, куда монашествующего брата пригласили в качестве безобидно-пикантной приправы к философским беседам. В те забытые времена фра Джироламо было далек от священнического чина и великой славы проповедника и главного врага Папской Курии, как Флоренция от Рима. Неужели грехи Италии были так велики, что сделали этого

человека пророком?¹²

Микеланджело выпрямился, избегая встречаться с ним взглядом, спросил:

– Верно. Работать с камнем – моя профессия. Никто во Флоренции не владеет ею лучше. Желаете заказать статую?

– Что? – выдохнули тонкие бесцветные губы проповедника, а брови взметнулись так, что кожа на лбу собралась складками. Если допустить, что святого отца Джироламо однажды объявят святым и Микеланджело придется изваять его статую, он отказался бы от мрамора, а отлил фигуру из металла – звонкого и сильного, как голос этого человека.

– Говорю, хотите заказать у меня скульптуру святого или великомученика?

– Святые вечно живут в сердцах праведных, им нет нужды в каменных истуканах, как божкам язычников, – святой отец выверенным жестом раскинул руки – словно желал обнять всех, собравшихся кругом. – И ты, каменотес, коли хочешь приносить пользу обществу, ступай в каменоломни, вырубать камень, из которого возведут дома презрения для сирот или стены лазаретов, тогда твой труд будет оправдан и нужен людям. Плодить и выставлять напоказ идолов, распалюющих похоть, дело греховно, – оратор воздел руку высоко над головой, словно желал упереть палец в самое небо и убедиться, что оно прочно как земная твердь, а не залито неосязаемым

---

¹² Искаженная цитата, приписываемая Джироламо Савонароле – «Грехи Италии силой делают меня пророком».

эфиром, выдуманном неокрепшими умами. – Грех, даже самое малое попустительство слабости, открывает врата дьяволу. Покайтесь, братья! Ибо грех отдает вас на волю черному колдовству, черти выются хороводами в ожидании душ греховодников. Покайтесь! Ибо дьявол здесь, он уже таится рядом с нами, он крадется в темноте и отнимает жизни ваших детей! За ваши грехи, за гордыню и роскошества.

Многие с молитвой опустили на колени, в задних рядах истерично всхлипнула женщина. Святой отец сделал чуть заметный знак стражникам, скованного цепями маэстро выдернули из липкой темноты и швырнули в лужицу света, прямо на ступени под ногами святого отца.

– Этот синьор сознался, что передал вам, синьор Буонарроти, изваянный из мрамора идол древних язычников.

– Да, так и есть. Проклятая статуя... – ржавые оковы разодрали кожу на запястьях маэстро, ссадины сочились кровью, а слезы катились из глаз, оставляя за собой светлые борозды. – Я не причастен к колдовству, я всего лишь медик, как покойный дед¹³. Ваше святейшество, целую ваши ноги... Я медик, я спасаю людям жизни...

На четвереньках он преодолел несколько ступеней, попытался ухватить край рясы проповедника и поднести к губам. Хотя он трясся и корчился, его лицо сохраняло удивитель-

---

¹³ Микеле Савонарола – дедушка Джироламо Савонаролы – известный ученый-гуманист, пропагандист естественного образа жизни, личный врач герцогов Феррары, известен трактатами «Каноническая практика» и «Об искусстве изготовления горячей воды».

ное спокойствие. Святой отец брезгливо отпихнул его ногой:

– Жизнь смертных в руке Господа! – стражники как по команде бросились колотить несчастного древками алебард, пока он не скатился в лужу, а отец Джироламо воззрился на скульптора немигающими углями глаз, вопрошал:

– Покайся и ты, скарпелино. Скажи, получил ты статую от синьора Ломбарди?

Микеланджело пожал плечами:

– Если этого синьора зовут маэстро Ломбарди, я однажды приобрел у него порошок от головной боли. Не припомню, чтобы он владел статуей.

Святой отец повторил вопрос, на этот раз его голос громышал подобно грому и разносился до самой городской стены:

– Вы получили статую в доме мессира Бальтасара, мага и чернокнижника, приспешником которого был этот синьор?

– Нет-нет-нет... я не был приспешником... я не помогал... Не знал, что этот колдовской ритуал оживит статую... Не знал, что в нее вселится злой демон и начнет убивать! Понимаете! Не знал!

– Отчего же мессир завещал все свое имущество вам, синьор Ломбарди? – из темноты, расплескавшейся по флорентийским улицам, подобно разлитым чернилам, вынырнул синьор Таталья, со всеми надлежащими атрибутами юридической практики, а следом за ним синьор подеста, собственной персоной.

– Он желал моего грехопадения... наверное... Я глубоко раскаиваюсь... отче!

– Хороший пес лает, защищая дом своего хозяина, и если разбойник бросает ему кость, он отодвигает кость в сторону и продолжает лаять! Дьявол се тать в нощи, которая стремится проникнуть в дом Господень при каждом случае, а все верные Христу, должны быть подобны верному сторожевому псу. Вам следовало донести о бесчинствах вашего нанимателя пока он был жив, а значит, подвергнут искупительной каре, маэстро.

Синьор Ломбарди зарыдал, уткнувшись в грязные ладони, Микеланджело отвернулся, чтобы не видеть его унижения, и обнаружил в разбитом окне мастерской любопытные физиономии подмастерьев – выходит, мальчишки успели спрятать статую. Оставалось надеяться, что эта скромная хитрость поможет им уберечься от обвинений в колдовстве – прямой дороги на костер. Он глубоко вдохнул и распахнул двери:

– Прошу, входите, святой отец, и вы, синьоры! Негоже держать достойнейших граждан Флоренции на улице в такую погоду.

Святой отец окинул взглядом скульптуры, заготовки и мраморные блоки, сразу же опустил пергаментные веки, словно зрелище глубоко оскорбило его, принялся перебирать четки. Выточенные из солнечного янтарного камня бусинки сухо шелкали одна о другую, под их перестук и уточняющие реплики подеста, синьор Таталья коротко изложил

Микеланджело о происшествиях последних дней, которые привели их небольшую депутацию в его мастерскую.

* * *

Итак, четыре дня назад у городской стены обнаружили тело восьмилетнего мальчика со сломанной шеей. Подобные печальные происшествия не редкость: ребятишки болтаются без всякого надзора, расшалившись, карабкаются на стену в малоподходящих местах, падают и ломают руки-ноги-головы. Двое других ребят, с которыми играл мальчик, уверяли, будто его позвал за собой какой-то дяденька в пышном венке на голове, однако же описать этого человека толком дети так и не смогли. Дивный головной убор для такого времени года! Ни праздников, ни карнавалов во Флоренции давным-давно не проводилось. Поэтому, выслушав доклад сержанта городской стражи, подеста принял решение и созвал консилиум из трех опытных врачей для осмотра тела ребенка. Они с точностью установили, что мальчик умер от удушения – веревку на его шее затянули с такой силой, что тонкие детские позвонки не выдержали и сломались. Однако след от удувки был едва заметен – сперва шею чем-то обмотали, обрекая несчастное дитя на долгую муку.

Буквально на следующий день, за суконными мастерскими обнаружили еще одного удушенника – подростка лет четырнадцати. Место там глухое, погода стоит по-зимнему хо-

лодная, сколько времени пролежало там тело, сложно сказать даже опытным медикам. Явствует, что он погиб раньше, чем мальчуган у городской стены, — около недели назад, так что никаких очевидцев происшествия не нашлось.

Обеспокоенные власти распорядились усилить дозоры. Эпидемия унесла многие жизни, других забрали в лазарет — в бреду они метались между небом и землей, пришлось наскоро пополнять городскую стражу новобранцами, многие из которых сами еще были неумелыми мальчишками. Один такой паренек обнаружил в жидкой грязи следы босых ног, что его немало удивило — поскольку за ночь лужицы успели покрыться тонкой корочкой льда. Вместо положенного доклада сержанту он самочинно помчался по следу. Невдолге его сотоварищи — дозорные — услышали сдавленные вопли и бросились было на подмогу, но безнадежно опоздали. Паренек умер на руках старшины, на его шее болталась удавка: полоска белого шелка. Стражники сразу же начали прочесывать квартал и успели заметить, как между домами, в сторону карантина, метнулся подозрительный человек. Собственно, вся его странность заключалась в том, что этот темноволосый, крепкого сложения молодой мужчина не имел на теле никакой одежды! Поймать его не удалось.

Сержант городской стражи решил, что подозрительный тип скрывается в карантине, и затребовал дежурного врача. Им оказался маэстро Ломбарди. Хотя ни лицом, ни статью на голого беглеца или человека, который подозревал мальчиш-

ку у городской стены, маэстро не походил и держался перед стражей с большой уверенностью.

За свою долгую карьеру судейского чиновника подеста перевидал много разбойников и убийц, среди них случались люди, убивавшие исключительно ради собственного извращенного удовольствия. Такие убийцы не глупы и очень хитры. Их разум функционирует непостижимым нормальному человеку образом, потому уличить их чрезвычайно сложная задача. Подеста тревожился, что имеет дело именно с таким случаем – все три убийства произошли в нескольких минутах ходьбы от чумного карантина. Сами посудите – много ли надо ума, чтобы спрятать тело убитого? Чего проще зашвырнуть удавленника в чумную повозку? Любому известно, что трупы загубленных мором сваливают в особый ров, который засыпают негашеной известью и землей. Такое тело никогда не найдут, однако убийца предпочел оставлять тела напоказ. Было в его манере убивать что-то настораживающее, он будет сеять смерть, пока его не остановят.

Подеста решил лично нанести визит в жилище маэстро Ломбарди: среди насельников особняка Бальтасара мог обнаружиться человек, отвечающий описанию. Святой отец Джироламо изъявил желание воспоследовать за ним, как подобает доброму пастырю.

* * *

Прислуга мессира Бальтасара скорбела по поводу своего безвременно почившего господина настолько, что успела буквально опухнуть от беспробудного пьянства. Кучера пришлось окатить водой из ведра, чтобы добиться ответа на вопрос – проживает ли в особняке мускулистый темноволосый мужчина? Кучер икнул, засмеялся и сообщил, что кое-кто подходящий в доме имелся, «спервоначала он весь собой был статуи, а потом встал и ушел». Ответ весьма заинтриговал святого отца Джироламо, который прозорливо заподозрил в происшествии колдовской след. Вся домашняя прислуга была доставлена в городской застенок, с целью выявить участников магического ритуала оживления статуи. Место главного подозреваемого занял маэстро Ломбарди, его подвергли пытке, не дожидаясь представителей святой инквизиции.

Чем туже сжималась веревочная петля на голове несчастного доктора, тем откровеннее становились его признания.

* * *

...Когда из ушей маэстро начала сочиться кровь, а глазные яблоки изготовились покинуть орбиты, христианское

начало в нем взяло верх над темными силами. Он сообщил, что действительно наблюдал бесовские шабаши в лаборатории мессира, что означенный мессир летал, под башмаками скрывал копыта, а под шапочкой – петуший гребень, вызывал духов и демонов, посредством заклятий и магических тинктур. Однако сам синьор Ломбарди уклонялся от участия в подобном непотребстве. Отведав кнута, лекарь добавил, что, когда мессир Бальтасар скончался, его тело вытащили из карантина и швырнули в костер, не позаботившись отпеть. Проклятая душа мессира осталась в земной юдоли и вселилась в мраморную скульптуру, оживив ее. Омытая раствором вина с чародейским зельем статуя обрела плоть и способность передвигаться по собственной воле, разразилась злобным хохотом и покинула пределы домовладения. Он видел собственными глазами, как статуя изловила на заднем дворе двух куриц, свернула им шеи, отшвырнула прочь и, беззаботно насвистывая, направилась к соседней вилле...

* * *

Подеста узнал все эти факты из допросных листов, которые заполняются с большим тщанием, поскольку не присутствовал при пытке лично. Он опрашивал домашнюю прислугу покойного мессира. С перепугу весельчаки притихли, протрезвели и сообщили, что статуя действительно имелась. Была вырыта из земли на соседнем участке и сильно пере-

пачкана грязью, поэтому ее держали в подсобном помещении при конюшне. Затем, по настоянию синьора де Розелли, проживающего по соседству, статую вымыли и передали ему. Законность прав синьора де Розелли на старинную скульптуру, обнаруженную в приделах его земельного участка, подтвердил поверенный, – синьор Таталья сделал шаг вперед и глубоко поклонился. Он же сообщил, что изваяние было передано на временное хранение синьору Буонарроти. Здесь подеста закашлялся и смешался, но вернул голосу уверенности и твердо попросил:

– Пожалуйста, предъявите нам статую, синьор Буонарроти.

– Выбирайте! – Микеланджело широким жестом указал на изваяния, теснившиеся по углам мастерской. – Любую, на ваш вкус, любезные синьоры.

– Синьор Буонарроти, боюсь вы недопонимаете серьезности своего положения, – отец Джироламо медленно оторвал взгляд от четок и вперил в точку между бровей Микеланджело. – Вы – пособник колдуна и убийцы. Ясно?

– Простите святой отец, мою невольную дерзость, – Микеланджело поклонился, ему с трудом верилось, что несколько лет назад он сидел за одним столом с этим человеком, болтал и обменивался шутками на равных, как все, кто пользовался благословенным расположением Лоренцо ди Медичи, Великолепного правителя Флоренции. Глаза фра Джироламо были совсем другими – сейчас они утратили живость, слов-

но их заполнили свинцом изнутри, в день, когда присвоили звание святого отца. Он продолжил, придав голосу столько учтивости, сколько вообще был способен. — Мне неизвестно, какая из статуй отправилась гулять нагишом на глазах маэстро Ломбарди. Пусть с вашего благословения укажет на нее пальцем, если увидит эту статую здесь.

Подеста и правовед переглянулись за плечом святого отца.

— Это логично, — виновато пробормотал синьор Таталья.

— Действительно, нет фактов, подтверждающих, что свидетели и маэстро Ломбарди говорят об одной и той же скульптуре, — добавил подеста.

Святой отец посуровел и подал знак страже.

В мастерскую без промедления втащили маэстро Ломбарди. Измученный, он едва держался на ногах, его бледность была более пугающей, чем белизна цельного куска мрамора. Бедолага свалился на пол, как куль, раньше, чем прозвучал вопрос. Святой отец велел немедленно послать за тюремным лекарем. Сержант тюремной стражи виновато ссутулился, принялся что-то торопливо шептать ему на ухо. Речь его сводилась к тому, что врачей в терзаемом эпидемией городе осталось мало. Осторожные и расчетливые давно покинули Флоренцию, остальных выкашивает болезнь, даже тюремный лекарь занят в лазарете. На счету каждый, кто может держать в руках ланцет и смешивать порошки от жара. Святой отец слушал его, легонько кивал головой, и блики света скользи-

ли с тонзуры из рыжеватых волос на кожу, отчего черты лица проступали еще резче и контрастнее – сейчас он показался Микеланджело человеком, уставшим до безразличия. Отточенным жестом он указал на бесчувственного маэстро.

– На все воля божия. Господь – единственный истинный правитель Флоренции, пусть он решит, насколько глубоко раскаяние этого человека, и дарует ему жизнь и избавление или смерть. Верните этого медика в карантин. – Он держал многозначительную паузу, пока стражники уволокли сомлевшего эскулапа, и продолжил. – Доставьте сюда прислугу из дома покойного мессира Бальтасара.

Глава 6

Хорошо известный скульптору выпивоха-кучер, женщина с широким шрамом от ожога поперек щеки, спрятавшая руки под неопрятный передник – по всей вероятности, кухарка, а также еще двое слуг из особняка Бальтасара стояли посреди мастерской и дружно вертели головами, разглядывая развешанные по стенам рисунки, гипсы и скульптуры. Следом за ними вошел судейский чиновник. Писарь выбрал подходящее место, аккуратно разложил отточенные перья, выставил забрызганную чернильницу и развернул лист бумаги, чтобы заполнять допросный лист. Тем временем сержант пошептался о чем-то с подеста и правоведом и начал задавать вопросы.

– Кто из вас, синьоры, видел статую, которую выкопал ваш хозяин?

– Так у нас нету никакого хозяина. Был, конечно, да помер, – вздохнула кухарка, судя по всему, она была бойкой дамой, как и большинство ее товарок.

Кто видел изваяние, которое имелось у мессира Бальтасара? – каркающий голос святого отца Джироламо наполнил мастерскую, все кто его слышал, разом поникли и присмирели. – Говори, женщина!

– Мы все видели. Изваяние никто не прятал.

– Ты сможешь узнать скульптуру?

– Ну, да. Наверное, смогу.

– Хорошо. Посмотри внимательно кругом. Изваяние здесь?

Кухарка напряженно вытянула шею, несколько раз обвела мастерскую взглядом, наконец, указала на практически законченную копию статуи Вакха, выполненную в полном размере:

– Вроде эта... Только хозяйская была вся перепачканная в земле, а эта чистенькая, беленькая, прямо как младенец...

– Гы-гы-гы... – расхохотался толстячок кучер. – На вилле Розелли даже свиньи в хлеву чище твоих кастрюль, потому что всем хозяйством заправляет синьора Косма. Она такая дама, никому спуска не даст! Ясно дело, статуй отмыли до чиста, нарочно отмочили в чану с вином. Я сам помогал, синьоры. Это он, – кучер указал на ту же самую копию, что и кухарка, победно повторил. – Статуй! Точно говорю.

Святой отец вперил испепеляющий взгляд в корпулентную фигуру кучера:

– Это вы синьор, утверждали, что статуя самостоятельно перемещается?

– Я?!? – толстяк отчаянно замотал головой с такой скоростью, что ворот плаща из грубой шерсти расцарапал шею. – Ничего такого не говорил, потому как ничего похожего и близко не видел... Единственно, когда мы тащили изваяние, хозяин сказал, чтобы мы поворачивались, иначе статуй своими ногами быстрее дойдет до места. Но это болтовня одна,

никуда он не пошел, так и волокли его на горбу до самой конюшни.

Сверлящий взгляд заставил кучера грузно рухнул на колени, подползти к святому отцу, перекреститься и грянуть лбом о пол:

– Отче! Благословите, молю! Ну, с чего мне врать? С какого интереса? Покойник мне задолжал за три месяца, то есть задолжал, пока был живой. Кто мне вернет деньги? Некому. Одна надежда осталась – на божью помощь!

Пальцы святого отца, сухие и желтоватые, как церковные свечи, коснулись макушки просителя. Сержант тоже благочестиво перекрестился и уточнил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.